

Олег Заславский

О скрытых элементах в стихотворении

О. Э. Мандельштама "Сохрани мою речь..."

Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма,
За смолу кругового терпенья, за совестный деготь труда,
Как вода в новгородских колодцах должна быть черна и сладима,
Чтобы в ней к Рождеству отразилась семью плавниками звезда.

И за это, отец мой, мой друг и помощник мой грубый,
Я – непризнанный брат, отщепенец в народной семье -
Обещаю построить такие дремучие срубы,
Чтобы в них татарва опускала князей на бадье.

Лишь бы только любили меня эти мерзлые плахи –
Как, прицелясь на смерть, городки зашибают в саду, -
Я за это всю жизнь прохожу хоть в железной рубахе
И для казни петровской в лесах топориче найду¹.

3 мая 1931

Введение

Изучение и даже простое читательское восприятие поэзии Мандельштама постоянно сталкивается с трудностями, связанными с "темнотой" их смысла. На этом фоне данное стихотворение выделяется тем, что здесь эти трудности дополнительно привели к отнюдь не академической проблеме. Этот текст породил обвинения поэта в желании сотрудничества с властью и даже в готовности прислуживать ей при совершении казней. Такие обвинения были основаны на прямолинейном прочтении, игнорирующем особенности поэтики и, по нашему мнению, искажающем смысл произведения. Другим направлением прямолинейного прочтения оказались попытки найти непосредственные исторические соответствия с одним из центральных образов стихотворения – срубам.

¹ Здесь и далее стихи цитируются по изд.: Мандельштам 2009.

Краткий обзор этих представлений приведен, с соответствующими ссылками, в нашей предыдущей работе (Заславский 2014).

Вместе с тем, в самые последние годы появились также совсем иные интерпретации, основанные на природе данного произведения как художественного текста. При этом акцент был сделан на его метапоэтических элементах. Иличевский (2010) бегло упомянул, что "срубы – это стихи", а С. Городецкий (2012: 346) – что обещание построить срубы может быть понято как "обещаю такую поэтическую продукцию". Сходное понимание срубов приведено и в недавней статье Г. Кружкова (2015). В Живом Журнале пользователя ljreader2 за 2011 г. есть пост "Вновь кладезь наполнен прохладой и мглой", в котором содержатся замечания, что срубы – "метафора поэтической речи"² и "стихи для Бессмертия"³.

Вопрос о прагматике стихотворения и соотношения поэта и власти был рассмотрен в статье А. Жолковского (2012) на основе анализа структуры самого художественного текста. С одной стороны, А. Жолковский (2012) подчеркивает чисто словесную природу срубов из стихотворения, проводя сравнение с "нелепицей злейшей" из "Ариосто". Он также ссылается на совершенно справедливое сопоставление этого стихотворения с пушкинским "Памятником" (Видгоф 2015: 71, 74) – произведением, имеющем столь важное для русской культуры значение, связанное со значимостью поэта и его деятельностью. При этом стихотворение Мандельштама вписывается в ряд, относящийся к мировой культуре и идущий от Горация, связанный с оценкой роли поэта.

С другой стороны, А. Жолковский, несмотря на это, настаивает, что данное стихотворение представляет собой попытку "коллорационизма", в которой поэт "предлагает услуги, причем уже явно внелитературные – те или иные формы прислуживания при наказании других лиц, да и самого поэта". Соответственно, в число адресатов стихотворения, наряду с языком, народом и читателем, Жолковский (как и ряд его предшественников) включает власть. По поводу создания словесных срубов Мандельштамом Жолковский замечает, что "чем фантастичней рисуемые им срубы, тем больше его заслуга в их вербальной постройке (и, опять-таки, тем маловероятнее одобрение "договора" партнерами)".

На наш взгляд, в таком подходе содержится внутренняя непоследовательность. Стихотворение, в котором "срубы" связаны с поэтической деятельностью, должно быть понято, прежде всего, как такой художественный текст, в котором ключевую роль играет тема поэзии и слова. Это вызывает к более внимательному анализу его внутренней

² <http://ljreader2.livejournal.com/11901.html>

³ <http://ljreader2.livejournal.com/11723.html>

структуры, без которого попытки "применений" к окружающей поэта реальности представляются преждевременными и поспешными. А интерпретация, согласно которой поэт строит себе "памятник" и одновременно же пытается договориться с властями, представляется нам противоречивой и неубедительной. Тем более что в пушкинском "Памятнике" поэт призывал милость к падшим, а в данном случае (если принять такую интерпретацию) поэт стремится прислуживать властям, причем в казнях. Неясна также сама логика обмена: почему у властей есть возможность сохранить речь поэта (в "Памятнике" сохранность обеспечивается его собственной деятельностью), и какова связь между такой сохранностью и прислуживанием при казнях?⁴

Для того, чтобы адекватно интерпретировать тему казней и вообще предложить целостную и непротиворечивую интерпретацию, необходимо учесть, что мотивный комплекс, связанный с темой поэзии и слова, содержит элементы, в тексте не эксплицированные. Они представляют собой обыгрывание фразеологизмов или примеры явления "язык как подтекст", когда ключевое слово не называется, но подсказывается локальным контекстом. Ряд таких примеров был указан в предыдущей нашей работе (Заславский 2014), но некоторые важные напрашивающиеся выводы сделаны там не были – они представлены ниже⁵.

Кроме того, мы указываем целый ряд новых примеров такого рода. Можно думать, что они хотя бы отчасти проясняют ряд конкретных загадок данного стихотворения – в частности, почему казнь названа петровской, и какое отношение 4-я строка 2-й строфы имеет к общей теме стихотворения.

Наличие скрытых элементов усложняет путь к пониманию этого стихотворения. И то, что они не были замечены ранее, способствовало неадекватным обвинениям в адрес поэта. Это дает любопытный пример того, как неучет тонкостей поэтики приводит к полному искажению смысла, а также позиции автора.

Раскол и поэзия

В предыдущей нашей работе (Заславский 2014) было отмечено, что одним из ключевых моментов стихотворения является обыгрывание поговорки "что написано

⁴ Ср. с резкими критическими замечаниями Г. Кружкова (2015): "Неужели Мандельштам в 1931 году совсем сбрендил, что обращается к своему палачу как к другу: «Сохрани мою речь навсегда...»? И не просто другу, а человеку с развитым литературным вкусом, который поймет и «привкус несчастья и дыма», и «смолу кругового терпенья», и прочее — всё то, что вполне понятно может быть только собрату-поэту".

⁵ Сама по себе важность скрытых элементов в этом стихотворении следует уже из того, что одно из ключевых слов стихотворения "топор" остается не названным вплоть до самого конца (где возникает в косвенном виде – "топорище"), представляя собой анаграмму в плане содержания (Лотман 1979: 109).

пером, не вырубить топором". В отличие от ее традиционного понимания, в стихотворении поэтическая продукция при помощи топора создается. Однако при этом в упомянутой выше нашей работе остался не замеченным другой случай словесной игры из того же семантического поля, связанного с рубкой. Вместе с тем, он является чрезвычайно существенным для понимания стихотворения и позволяет бросить свет на целый ряд его образов, а также окончательно отсеять ряд предыдущих предвзятых интерпретаций.

Упоминание отщепенца и плах означает, что происходит *раскол* дерева. Но, как сказано выше, в стихотворении объектом вырубания является поэтическая речь, а срубы отсылают к стихам. Поэтому лирический субъект - отщепенец оказывается не только автором - создателем (о чем сказано в процитированных выше работах), но и *раскольником* в поэзии, то есть отпадает от ее магистрального пути. Одновременно, это решает наконец проблему соотношения реальности и поэтической речи в том, что касается срубов в стихотворении – в какой мере их можно сопоставить со старообрядческими срубами (см. Сурат 2012 и указанную там литературу). Здесь главным оказываются не исторические реалии сами по себе, а то обстоятельство, что старообрядцы именовались *раскольниками*. Так что в стихотворении упоминание срубов – не прямая отсылка к историческим данным, а одно из проявлений темы поэзии. И раскол здесь не религиозный, а поэтический. Топор, речь, создание срубов - стихов и свой, особый путь автора в поэзии связались единый неразделимый комплекс.

Религиозные элементы выступают в нем лишь как строительный материал образов. Сюда же относится и то обстоятельство, что в качестве мученика за веру, лирический субъект сам возлагает на себя вериги, не отделимые от судьбы поэта. Это – "железная рубаха", которая в то же время служит частью топора, т.е., в данном контексте, инструмента поэтической деятельности.

Петровская казнь

В стихотворении существует весьма загадочное наименование казни "петровской". Если говорить о старообрядцах, то это тем более странно, поскольку их жестокие казни совершались не при Петре, а при Алексее. Можно предложить такое объяснение. Реальная историческая петровская казнь совершалась по отношению к стрельцам, т.е. была направлена на целое *сословие*. Тем самым в подтексте и здесь лежит тема *слова*! Соответственно, топор, для которого автор ищет топорнице (т.е. орудие поэтической речи), предназначен для радикальных трансформаций поэтической речи и относится к сфере слова⁶.

⁶ А вовсе не представляет собой чудовищное предложение послужить власти для осуществления казней.

Более того, поэт готов осуществить свое предназначение, несмотря ни на что, и готов даже на жертвы. Не только носить вериги, но и подставить себя под топор власти. Инструмент "вырубания" стихов и орудие казни – это одно и то же: поэт готов за свою деятельность заплатить жизнью. А элементы строительства срубов ("плахи" как дрова) совпадают с плахой как местом казни⁷. При этом щепка, отлетающая от удара топором, как раз соответствует "отщепенцу в народной семье".

Про свойственное Мандельштаму "внутреннее согласие на жертву, одушевлявшее его поэзию с давнего времени" писал еще Аверинцев (1996: 257). Применительно к данному стихотворению это упоминалось в работе Сурат (2009: 183), где жертва понималась как то, что "поэт делает страшный выбор — он солидаризируется с убийцами". Как уже это объяснено нами выше, согласиться с таким пониманием решительно невозможно. То, что было принято целым рядом исследователей за описание реальных казней, лежит на самом деле в чисто словесной сфере. Что же касается собственно темы жертвы, она проявляет себя через такие ее элементы, которые имеют двойную природу. "Раскол" одновременно и актуализует тему готовности на мученичество во имя высшей правды, и метафорически указывает на сам процесс поэтической деятельности.

Опускание в срубы и вода в колодцах

Во 2-й строфе находится довольно странная строка о татарве, опускающей князей на бадье. Можно думать, и здесь проявляется тот же лейтмотив. А именно, обратим внимание, что вода, находящаяся в колодцах, по своему происхождению является *речной*⁸. Это опять актуализует тему *речи*. Причем сочетание татарвы и князей указывает на противопоставление русского языка и языка чужого, непонятного. В создаваемых автором поэтических "срубах" переплетаются разные языки, причем довольно темным, не очевидным при простом прочтении образом. Так что за сохранение в языке результатов своей поэтической деятельности поэт обещает новую, характерную для поэтического "отщепенца" продукцию, отличающуюся непрозрачным смыслом и трудную для наивного восприятия.

Существенно, что указывающий на мотив речи комплекс *реч* проявляет себя и в 1-й строфе: *черна*. Здесь он представлен в зеркально отраженном виде, что соответствует как

⁷ Jreader2 пишет, что "плахи во множественном числе - штабеля дров" и о том, что "собранные в штабеля дрова напоминают ряды книг в библиотеке". Это верно, но, на наш взгляд, вся соль заключается не в противопоставлении обоих значений слова "плаха", а в их совмещении, из-за которого поэзия и жертва оказываются неразделимы.

⁸ В частности, как отмечено нами ранее (Заславский 2014), в 1-й строфе подразумевается новгородская река *Волхов*, название которой в данном контексте переплетается с сюжетом о *волхвах* и Рождестве.

раз мотиву отражения в 3-й и 4-й строках. При этом он идет в паре с вкусом ("сладима"), что отсылает к деятельности языка.

Ранее мы уже отмечали значимость в данном контексте поговорки, связанной с языком – "ложка дегтя в бочке меда" (Заславский 2014). Теперь стоит обратить внимание на еще одну того же типа – "набрать в рот воды". Однако если стандартный смысл этой поговорки означает "замолчать", то здесь, наоборот, это оказывается источником речи. Во всех трех случаях поговорок (о топоре и речи, воде во рту, о ложке дегтя и бочке меда) исходный смысл оказывается трансформированным: источник разрушения речи преобразуется в источник созидания – так проявляет себя сила поэзии⁹.

Топор как средство созидания

Рождение нового, превращение смерти в жизнь – смысловая доминанта стихотворения. В 1-й строфе упоминается Рождество. В последней строфе городки разбиваются, но в этой игре это – всего лишь необходимый шаг к построению новых фигур, новых городков. Неслучайно тема строительства нового откликается в 1-й строфе упоминанием "новгородских" колодцев, в которых сочетаются "новое" и "город".

Во 2-й строке последней строфы есть фрагмент "прицелясь на смерть". Такое необычное сочетание можно формально рассматривать как трансформацию стандартного "насмерть". Но при слитном написании это означает торжество смерти (например, "сражен пулей насмерть"). Здесь же применено раздельное написание, которое получается как бы разрубанием этого слитного слова! И в результате вместо торжества смерти получается ее уничтожение.

Слово "сруб" связано как с уничтожением, так и строением, порождением нового. Как указано в словаре Даля (2006: 304), "Встарь, когда новые города, т. е. укрепления, основывались по произволу князей, говорили: *срубить город, городок*"¹⁰.

Подобным же образом оказывается значим двойной смысл слова "плахи" – "плаха, из которой делался колодезный сруб, и плаха как место казни" (Мандельштам 2017: 418), о чем ранее писал Ijreader2 (см. выше). И здесь непосредственно в слове сочетаются уничтожение и порождение, строительство, причем, это связано с "построением" новых стихов.

⁹ В записи ЖЖ <http://ljreader2.livejournal.com/11901.html> содержится проницательная догадка "татары помогают князьям спуститься к источнику целебной воды (...) - не казнь, а возвращение к истокам родного языка". Однако без указания на лежащее в подтексте ключевое сочетание "реч" эта догадка повисает в воздухе.

¹⁰ На это обстоятельство было недавно обращено вкратце внимание в книге (Кихней, Меркель 2013: 76).

В данном контексте двойную семантику приобретает и слово "отщепенец". С одной стороны, это результат рубки, с другой – это относится и к самому субъекту вырубания поэтической речи и "отщепенцу" в поэзии.

Мотив казни занимает существенное место в поэтическом мире Мандельштама, в том числе казнь может выступать в парадоксальном сочетании с поэтической деятельностью (см. Шиндин 2000, где воедино собран целый ряд соответствующих примеров). В данном стихотворении такое сочетание казни и поэтической деятельности находит объяснение, если учесть, что орудие уничтожения, казни – топор – преобразован в стихотворении в орудие созидания, создания новых стихов и смысла. Поэтому "казнь" и "песнь" оказываются даже не разными сосуществующими сторонами реальности – скорее, одно преобразуется в другое.

Заключение

Приведенные здесь соображения расширяют единый мотивный комплекс и добавляют в него существенный (пропущенный ранее) элемент – тему раскола и ее значение для темы поэзии в данном произведении. Кроме того, нами выявлен ряд неназванных слов, лежащих в подтексте и также связанных с этой темой. Более того, сама неявность такого присутствия может рассматриваться как способ сохранить в неприкосновенности поэтическую речь автора, т.е. поэтический прием создает здесь иконизм по отношению к теме произведения.

Данная работа имеет, помимо прояснения некоторых элементов структуры произведения, и некоторые практические следствия. Можно думать, что приведенные выше соображения окончательно утверждают тему поэзии в произведении в качестве центральной и, соответственно, ставят точку на неадекватной интерпретации стихотворения как выражения готовности сотрудничать с властью.

Литература

Аверницев 1996: Аверинцев С. С. Судьба и весть Осипа Мандельштама. // Аверинцев С. С. *Поэты*. М., 1996.

Видгоф 2015: Видгоф Л. М. *Статьи о Мандельштаме*. М. 2015

Городецкий 2012: Городецкий Л. Р. *Квантовые смыслы Осипа Мандельштама. Семантика взрыва и аппарат иноязычных интерференций*. М., 2012.

Даль 2006: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т.— Т. 4. М., 2006.

Жолковский 2012 Жолковский А. К. Сохрани мою речь, и я приму тебя как упряжь. Звезда 2012, № 4.

Заславский 2014 Заславский О. Б. Стихи, вырубаемые топором (О стихотворении О. Э. Мандельштама «Сохрани мою речь...»). Toronto Slavic Quarterly 2014, № 50. С. 135 - 146. (электронная версия: sites.utoronto.ca/tsq/50/tsq50_zaslavskii.pdf).

Иличевский 2010. Иличевский А. Дождь для Данаи. АСТ, Астрель, 2010.

Кихней, Меркель 2013: Кихней Л. Г., Меркель Е. В. Осип Мандельштам. Философия

слова и поэтическая семантика. М., 2013.

Кружков 2015: Кружков Г. "О сквозном образе в стихотворении «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма". Звезда, № 4, 2015.

Лотман 1979: Лотман Мих. О соотношении звуковых и смысловых жестов в поэтическом тексте. Труды по знаковым системам. Тарту, 1979. С. 98 – 119.

Мандельштам 2009. Мандельштам О.Э. *Полное собрание сочинений и писем. В 3-х томах. Т. 1. Стихотворения.* М., 2009. Сост., подгот. текста, коммент., А. Г. Мец

Мандельштам 2017 Мандельштам О.Э. Собрание стихотворений 1906—1937, сост. О. А. Лекманов, М. А. Амелин, коммент. и библиогр. О. А. Лекманова, Е. А. Глуховской, А. А. Чабан. М., 2017.

Сурат 2009: Сурат И. Мандельштам и Пушкин. М., 2009.

Сурат 2012. Сурат И. Дремучие срубы. Уточнения к комментарию // *История литературы. Поэтика. Кино. Сборник в честь М. О. Чудаковой.* М., 2012. С.422—429.

Шиндин 2000: Шиндин С. Г. К интерпретации стихотворения Мандельштама «Сохрани мою речь навсегда». // *Поэзия и живопись. Сб. трудов памяти Н. И. Харджиева / Сост. и общ. ред. М. Б. Мейлаха, Д. В. Сарабьянова.* М. : Языки рус. культуры. 2012.